

УДК 94 "04/14"+ 82.091

**«UT VNIUERSITAS NON DEBEAT VNI TANTUM INCUMBERE»:
ПРИЧИНЫ ОТСТРАНЕНИЯ АГАМЕМНОНА ОТ ВЛАСТИ
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ РАССКАЗАХ О ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЕ**

© 2013 г.

А.Н. Маслов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

maslovartem@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.02.2013

Впервые рассматриваются формально-содержательные особенности восприятия авторами XII–XIII вв. фрагмента позднеантичной «Истории о разрушении Трои», посвященного временному отстранению Агамемнона от командования греческим войском, определяется специфика трансформации оригинального позднеантичного мотива в известнейшем латинском сочинении Гвидо де Колумна.

Ключевые слова: рецепция культурного наследия Античности, средневековая литература, Троянская война, Агамемнон.

Одной из принципиально новых сюжетных линий, привнесенных в традиционную картину Троянской войны неизвестным позднеантичным автором «Истории о разрушении Трои» ‘Дарета Фригийского’ [1–2], стало описание притязаний Паламеда на предводительство греческим войском и последовавшей передачи ему верховного командования по решению общего собрания воинов:

(Гл. XX) Пока длится перемирие, Паламед, не мешкая, старается внести смуту в войска: царь Агамемнон не достоин того, чтобы приказывать войску, а сам Паламед предъявляет ему свои заслуги: прежде всего свою вылазку, укрепление лагеря, ночные караулы, сигналы, изобретение весов и мер веса, обучение войска. Так как все это придумал он, несправедливо, что решением немногих власть была дана Агамемнону, и он приказывает тем, которые прибыли позже этого. В особенности это несправедливо тогда, когда все воины видят доблесть и дарование своих собственных предводителей. Пока ахейцы оспаривают друг у друга власть, война после двухгодичного перемирия возобновлена... (Гл. XXV) Пока длится перемирие, Паламед снова не переставая сетует на то, что власть несправедливо принадлежит Агамемнону. Но Агамемнон, уступая смуте, сказал, что охотно обсудит, кого они хотят сделать предводителем. На следующий день он собирает народ на сходку, утверждает, что никогда не стремился к власти, и говорит, что, если будет решено кому-либо передать ее, он со спокойной душой примет это и охотно уступит ее; ему достаточно того, чтобы враги понесли возмездие, и для не-

го неважно, чьей это будет заслугой; у него же есть царство в Микенах. Агамемнон просит высказать свои мнения. Выходит вперед Паламед и указывает на свои дарования. Тогда аргивяне охотно передают ему власть. Паламед благодарит аргивян, принимает власть, отдает распоряжения. Ахилл порицает смену власти (*Пер. А.В. Захаровой*) [2, с. 154–156, 163–164].

Сегодня представляется весьма интересным выяснить, какими дополнительными нюансами и повествовательными деталями были обогащены эти небольшие эпизоды из «Истории» ‘Дарета Фригийского’ в ее средневековых парафразах. Учитывая многообразие последних (как и посвященных им исследований и обзоров [3–17]), мы сосредоточим внимание на отдельных текстах XII–XIII вв. Среди них — сочинения, написанные в разных жанрах и появившиеся на свет при самых несходных обстоятельствах. Наша задача — сравнить формально-содержательные аспекты нескольких рассказов об отстранении Агамемнона от руководства войском, выявив основные критерии трансформации и переосмысления оригинального позднеантичного мотива писателями высокого Средневековья.

Характерно, что даже те авторы, которые старались не слишком уж отклоняться от исходного текста, подчас серьезно меняли его смысл. Так, составитель «Древней истории до Цезаря» существенно упрощает аргументы, приписываемые Паламеду ‘Даретом’ («et si disoit as barons qu’il estoit plus haus hom et plus riches et plus sages qu’Agamenon ne fust, et por ce seroit ce drois et raisons qu’il de l’ost eüst la poesté

et la maestrie» [12, p. 374]). Содержание небольшой речи, вкладываемой в уста микенского царя, не сильно расходится с процитированным выше отрывком «Истории о разрушении Трои»: «Ne n'ai, fait il, beau seignor, autre covoitise de tote ceste choze que ce que nos de nos anemis puis siemes prendre vengeance. Et bien sachés que ja ne m'en aïrerai ne ne corroucerai, se vos faites empereor desor moi, quar je n'i quier avoir autre seignorie nulle que compaignie, et assés me soffist l'onors de Micaines et la seignorie» [12, p. 379]. Однако там, где речь заходит о реакции на наметившуюся смену лидера со стороны его подопечных, снова фиксируются различия. Если в рассказе 'Дарета' греки всего лишь «охотно передают власть» Паламеду, то составитель «Древней истории» предпочитает упомянуть и об обсуждении его претензий на руководство ахейским воинством: «A ceste choze ot mouit parlé des uns et des autres, mes en la fin otroierent il a Palamedés la poesté de la seignorie» [12, p. 379]. При этом, как видно из старофранцузского текста, категория «старшинства» (seignorie) трактуется равным образом и в качестве власти над определенной территорией («me soffist l'onors de Micaines et la seignorie»), и в качестве обладания командирской должностью («otroierent il a Palamedés la poesté de la seignorie»).

Более драматичным видится оспаривание Паламедом властных полномочий Агамемнона и отказ последнего от командования войском в латинской поэме Иосифа Искана [18]. В отличие от своего первоисточника английский поэт XII века предпочитает предельно заострить претензии, выдвигаемые в адрес Агамемнона («cecis quod nutet habenis / Imperium, quod non tantis inscitia curis Plistinia accedat, quod bellis seignior usus / Quodque alio miles egeat duce» [18, S. 168]), а также обозначить мотивы, которыми руководствуется его соперник, — зависть (livor) и жадность (cupido). При этом сам Иосиф считает необходимым осудить стремление к власти «только ради славы», связывая с ним «бесчисленные напасти» («Secus nimium, cui sola iubendi / Gloria; et innumere veniant cum principe pestes» [18, S. 168]). Обсуждение греками вопроса о передаче командования Паламеду приобретает под пером поэта качественно иное звучание, превращаясь в шумный спор о преимуществах старых и новых порядков: «hiis nova semper / Grata magis veterisque iuga fastidia tolli / Clamant, ast aliis notos mutasse molestum / Et longum didicisse novos...» [18, S. 168–169]. Собственно, обретение Паламедом полномочий верховного командующего (поданное Иосифом как *mutatio imperii*) служит и поводом для вы-

ражения по отношению к нему чувства жалости («duro fruitur miserandus honore» [18, S. 179]). Складываясь с себя «инсигнии правителя» («regis insignia») Агамемнон лишается не только прежних знаков отличия, но и «бессонных ночей вкупе с суровыми днями» («Nec signa priora / Sic ambire cupit, ut fesso pectore malit / Et vigiles lunas et duros ducere soles» [18, S. 179]). В целом, перед нами — пример постепенного перевода спора о смене военного лидера в плоскость рассуждений о власти как таковой.

Данный крен еще сильнее заметен в поэме Альберта Стаденского «Троил» [19]. Здесь рассказ о смене военного лидера выстраивается главным образом вокруг вымышленных речей, якобы произносимых Паламедом и Агамемноном. В обоих случаях немецкий поэт заставляет своих героев не просто высказаться «на злобу дня», но и обозначить качества, присущие хорошим правителям в принципе. Так, Паламед, рассуждая о «достойных нравах» царей и иных обладателей власти («Reges, quive solent regalia sceptras tenere, / Dignis ornatos moribus esse decet» [19, S. 63]), обречен повторять расхожие формулы, касающиеся отношений благочестивого правителя с подданными и врагами («Sit rex flexibilis, pius, exorabilis isque / Subjectis agnus, hostibus ursus erit»), его осмотрительности («Sit circumspectus rex, circumspectio regis; / Famam laude replet, res in honore tenet»), отказа от суетных помыслов («Nunquam conspicitur meliore potential causa, / Quam quoties vanas non sinit esse preces») и т.п. [19, S. 63]. Приводя речь Агамемнона, поэт, в свою очередь, оперирует топами «не чести, но бремени» («Non honor est, sed onus, species laesura ferentem»), «довольствования малым» («Sunt mihi pauca satis, sunt mihi multa nimis»), «падения с высот власти» («Qui jacet inferius, non habet, unde cadat. / Qui cadit in plano vix hic, tunc evenit ipsi, / Sic cadit ut tacta surgere posit humo») [19, S. 91] и т.д. При этом Альберт Стаденский не прочь воспользоваться отдельными (без сомнения, хорошо узнаваемыми в среде тогдашних ученых мужей) строчками из сочинений Горация и Овидия. Именно их вариации положены в основу некоторых «программных» заявлений Агамемнона: «Si ventri bene, si lateri bene, si pedibus, nil / Regalis poterit addere mensa magis»; «Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas, / Hoc facit ut placeat non minus agna bove» [19, S. 92] (ср.: *Hor.* Epist. I. 12, 5–6; *Ovid.* Epist. ex Ponto. III, 4, 79–82). Показательно также то, что главный «месседж» в речи микенского царя формулируется Альбертом при помощи леонинского стиха с омонимическими рифмами, явно контрастирующего с обычными элегическими двустопиями, которыми, собст-

венно, и была написана почти вся его поэма: «Frustra jura legis contempto codice legis / Nomen habens regis, qui male regna regis» [19, s. 92]. Это ключевое суждение, изрекаемое предводителем ахейцев, опять-таки соотносится не столько со спором по поводу качеств настоящего полководца, сколько с более общими вопросами восприятия власти и законности.

Принципиальная взаимосвязь вопроса о военном лидерстве с темой хорошего и дурного правления — не единственный аспект трансформации 'даретовой' версии конфликта между Паламедом и Агамемноном в рамках средневековой традиции. В случае со старофранцузским «Романом о Трое» Бенуа де Сен-Мора (кстати, наиболее раннем и объемном из рассматриваемых нами памятников) важную роль играет и само по себе проговаривание двумя героями необходимости соблюдать согласие в войске. Вполне возможно, что французский поэт, в отличие от 'Дарета Фригийского', исходил из желания обыграть не только воинские таланты и «организаторские способности» греческих вождей, но и их навыки в разрешении спорных ситуаций. Во всяком случае, у Бенуа де Сен-Мора Паламед, перечисляя собственные заслуги, объявляет о своем умении справедливо поделить добычу («Mieuz sai departir un comun / E dreite part render a chascun») [20, p. 126], искусно ободрить воинов («E se jo vei qu'il face a faire, / Bien lor savrai un sermon traire / E mostrar uevres de semblance, / Por avoir d'eus meillor fiance») или устранить возникшие между ними разногласия («E se entre eus sordeit descorde, / Pais en savrai faire e acorde») [20, p. 127]. Агамемнон, столкнувшийся с повторными претензиями Паламеда на власть [21, p. 109–111], произносит не одну, а целых две больших речи: первая из них [21, p. 111–115] обращена к вождям, вторая [21, p. 115–117] произносится на следующий день перед общим собранием воинов. Подобное развертывание речевой активности, по-видимому, должно было укрепить средневековых читателей и во мнении о более мудром поведении Агамемнона («Agamennon fu proz et sage: / Oant les reis e le barnage, / Respondi tant come senez / Que il n'en dut ester blasmez...») [21, p. 111]), и в понимании важности самой коммуникативной процедуры, инициированной вследствие конфликта двух вождей. Достижению этой цели, разумеется, мог способствовать и специфический языковой строй старофранцузской поэмы, в рамках которой использование прямой речи предполагает регулярное упоминание говорящим адресата (или адресатов) высказывания: «*Seignor*, — fait il, — ço *sacheiz vos*, / Que onques ne fui coveitos / D'aveir sor tanz reis la maistrie /

Ne poësté ne seignorie. / Ne fusse dignes de tel chose, / Jo l'ai eüe une grant pose. / Or n'i a plus, *vos la dorreiz* / Cui *vos plaira e vos voudreiz*, / Quar jo l'otrei mout bonement: / *Sacheiz* ne m'en peise neient...») [21, p. 115–116]. Но существенную роль, очевидно, играл и тот эффект многоголосья, которого поэт добивался за счет введения в свой текст слов Паламеда, якобы произнесенных после второй речи микенского правителя: «Dit lor “tant a discrecion / E sen en lui, que bien eslire / Le deivent a tenir l'empire”» [21, p. 117]. Там, где 'Дарет' заставлял Паламеда лишь «указывать на свои дарования», Бенуа де Сен-Мор вкладывал в уста строптивного ахейца призыв с оттенком долженствования («bien eslire le *deivent*»). Ничто не мешает предположить, что заданная писателем XII в. модель «равного речевого присутствия» двух конфликтующих персонажей вполне соотносится с тем творческим рвением, которое французский поэт проявлял, создавая пространные описания военных советов, ассамблей, переговоров и тому подобных мероприятий¹.

О том, что продуцируемый Бенуа де Сен-Мором «электоральный фон» устраивал далеко не всех читателей «Романа о Трое», можно судить, опираясь на отдельные переложения этой французской поэмы. Так, автором, по-видимому, разделявшим курс Бенуа на «предоставление слова» обоим протагонистам, был неизвестный составитель той прозаической версии «Романа», которая появилась, скорее всего, в середине — второй половине XIII в. на территории Морейского княжества (*Prose I* по классификации М.-Р. Юнга) [22]. В ее старофранцузском тексте мы обнаружим практически все композиционные приемы и смысловые ходы, характерные для сочинения Бенуа де Сен-Мора [22, p. 85, 140–142]. Совсем иная адаптация темы представлена в популярнейшей латинской «Истории разрушения Трои» Гвидо де Колумна² (закончена в 1287 г.) [23]. Как известно, этот писатель пытался совместить занимательные описания и новые сюжетные линии, которые столетием ранее предложил автор «Романа о Трое», с назидательностью и риторичностью, характерными для ученой традиции. Его взгляд об отстранении Агамемнона от власти выглядит предельно корректным по отношению к этому герою. Первоначальные претензии Паламеда к Агамемнону были изложены Гвидо в форме косвенной речи и, по сравнению с версией Бенуа, существенно упрощены: «Dicit enim eum indignum tanti domini potestate super tot reges et duces, et se asserit digniorem nec eum habere in prepositum suum uelle, cum ipse eum sibi non elegerit, nec ab omnibus regibus, qui sunt numero plus xxx, fuerit electus, sed a tribus tantum, preter

conscienciam omnium aliorum» [23, p. 148]³. Их возобновление описано еще более лаконично: «Inter uero istas inducias Palamides ualde conqueritur inter reges de dominio Agamenonis. Et cum quodam die dicti reges in tentorio Agamenonis conuenissent et Palamides *sua consueta uerba contra regem Agamenonem effudisset...*» [23, p. 179]⁴. От первого лица, согласно тексту «Истории», выступает лишь сам Агамемнон. Сохранив за предводителем греков «право голоса», Гвидо де Колумна наделяет его возможностью возражать Паламеду от имени всего сообщества («Nec potes dicere, domine Palamedes, quod *exercitus noster sine tuo consilio duci non ualeat, cum te absente et absque tuorum consiliorum dictamine multa in hoc exercitu acta et gesta fuerunt* que satis salubriter *omnibus communiter successerunt*») [23, p. 180] и, более того, разъяснять воинам те «корпоративные ценности», которые лежат в основе его собственного отказа от власти: «Sed cum equum sit ut *vniuersitas non debeat vni tantum incumbere sed equa distributione ceteros de vniuersitate grauare* qui iniuncto [h]oneri pares existant et qui sub eius pondere non succumbant, cum iam tempus sit me ab ipsius [h]onore regiminis releuare quod super humeris meis tot annis incubuit inconcusse, et ut *aliquem de regibus et principibus eligamus...*» [23, p. 180–181]. Использование глагола *eligere* в форме первого лица множественного числа как будто бы позволяет снять противопоставление Агамемнона прочим греческим войнам, столь сильно заметное в старофранцузском «Романе о Трое». Иными словами, будучи не в силах изменить предложенный в рамках традиции исход событий, Гвидо делает Агамемнона его провозвестником и инициатором. Отношение самого писателя к процедуре смены греками лидера, вероятнее всего, остается сугубо отрицательным: об этом свидетельствует характерное замечание по поводу радости ахейцев, выслушавших речь Агамемнона («cum hominum sit *uicium naturale* frequenter de nouo dominio gratulari et de noua mutacione gaudere») [23, p. 181]. Однако и считать микенского царя жертвой чужих интриг и происков теперь нельзя: его отстранение от власти — результат им же *оглашенного* формата отношений внутри воинской корпорации (*universitas*), «плановое мероприятие», которое не должно всерьез грозить его авторитету. Избрание вождем «безмолвного» Паламеда — лишь временная мера и уступка «естественно-порочным» ожиданиям перемен.

Примечания

1. Данная черта «Романа о Трое» отмечается большинством исследователей.

2. В зарубежной литературе он чаще именуется Гвидо делле Колонне.

3. В «Романе о Трое» соответствующему эпизоду отведено 63 строки [20, p. 124–128].

4. Ср. с версией Бенуа де Сен-Мора: «A un jor que furent josté / Tuit li haut home e li sené, / Se complainst mout Palamedès / E dist qu'il ne soferra mais / Qu'il ait sor lui seignorement, / Poësté ne comandement: / Ne vuet ester en subjection / A rei ne prince ne baron, / Se par sa volenté n'esteit. / Li plus diënt que il a dreit: / "Onc, par Deu, — fait il, — tel ne vi, / Quant sor mei a prince establi / Senz ço qu'en fust parlé a mei / Ne qu'il le fust par mon otrei. / Mei n'est pas bel, n'en quier mentir, / Por ço nel vueil plus consentir. / Est or ço bien, reison e dreit / Que danz Agamennon maistreit / Ne mei ne rien qu'a mei ataigne? / La valissant d'une chastaighe / Ne fereie jo pas por lui. / Ço peise mei que onques fui / En leu ou sor mei seignorast / Ne de ma gent rien comandast. / Il ne sera or plus mis sire. / De vos e de trestot l'empire / Seit or mais soë la maistrie: / Sor mei n'avra plus seignorie / Se cele non qu'il i aveit / Al tens que sis pere viveit"» [21, p. 109–111].

Список литературы

1. Daretis Phrygii De excidio Troiae historia / Hrsg. von F. Meister. Leipzig: Teubner, 1873. I+67 S.
2. Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / Подг. А.В. Захарова. СПб.: Алетейя, 1997. 302 с.
3. Dunger H. Die Sage vom Trojanischen Kriege in den Bearbeitungen des Mittelalters und ihre antiken Quellen. Halle: Vogel, 1874. 81 S.
4. Greif W. Die mittelalterlichen Bearbeitungen der Trojanersage. Marburg: Elwert, 1886. 292 S.
5. Gorra E. Testi inediti di storia trojana, preceduti da uno studio sulla leggenda trojana in Italia. Torino: Trivierio, 1887. 572 p.
6. Rey A., Solalinde A.G. Ensayo de una bibliografia de las leyendas troyanas en la literatura Espanola. Bloomington: Indiana University Press, 1942. 103 p.
7. Schneider K. Der «Trojanische Krieg» im späten Mittelalter: deutsche Trojaromane des 15. Jahrhunderts. B.: Schmidt, 1968. 109 S.
8. Benson C. D. The History of Troy in Middle English Literature. Woodbridge: Brewer, 1980. 174 p.
9. Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit / Hrsg. von H. Brunner. Wiesbaden: Reichert, 1990. 553 S.
10. Fochler P. Fiktion als Historie. Der Trojanische Krieg in der deutschen Literatur des 16. Jahrhunderts. Wiesbaden: Reichert, 1990. 247 S.
11. Entre fiction et histoire: Troie et Rome au Moyen Âge / Études réunies par E. Baumgartner et L. Harf-Lancner. P.: Presses Sorbonne Nouvelle, 1995. 252 p.
12. Jung M.-R. La légende de Troie en France au Moyen âge. Basel–Tübingen: Francke Verlag, 1996. 662 p.
13. Rigall J. C. La Materia de Troya en las letras romances del siglo XIII hispano. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 1999. 300 p.
14. Conter de Troie et d'Alexandre / Études réunies par L. Harf-Lancner, L. Mathey-Maille et M. Szkilnik. P.: Presses Sorbonne Nouvelle, 2006. 312 p.

15. Faivre d'Arcier L. Histoire et géographie d'un mythe: La circulation des manuscrits du De excidio Troiae de Darès le Phrygien (VIIIe–XVe siècles). P.: Ecole Nationale Des Chartes, 2006. 539 p.
16. Solomon J. The Vacillations of the Trojan Myth: Popularization and Classicization, Variation and Codification // *International Journal of the Classical Tradition*. 2007. V. 14. №. 3/4. P. 482–534.
17. Маслов А. Н. Легенды прошлого: Троянская война в средневековой западной традиции // В кн.: Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 410–446.
18. Joseph Iscanus. Frigii Daretis Yliados libri sex // Joseph Iscanus. Werke und Briefe / Hrsg. von L. Gompf. Leiden–Köln, : Brill 1970. S. 77–211.
19. Troilus Alberti Stadensis / Ed. A. Th. Merzdorf. Leipzig: Teubner, 1875. XIX+210 s.
20. Benoît de Sainte-Maure. Le Roman de Troie / Publ. par L. Constans. T. II. P.: Firmin-Didot, 1906. 400 p.
21. Benoît de Sainte-Maure. Le Roman de Troie / Publ. par L. Constans. T. III. P.: Firmin-Didot, 1907. 448 p.
22. Le Roman de Troie en prose / Ed. par L. Constans, E. Faral. T. I. P.: Champion, 1922. 170 p.
23. Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae / Ed. by N. E. Griffin. Cambridge (Mass.): The Mediaeval Academy of America, 1936. xviii+ 293 p.

**«UT VNIUERSITAS NON DEBEAT VNI TANTUM INCUMBERE»:
REASONS FOR AGAMEMNON'S REMOVAL FROM POWER
IN MEDIEVAL TROJAN LEGENDS**

A.N. Maslov

The paper raises the question about the formal and content features of reinterpretations in some medieval narratives during the 12th and 13th centuries (particularly in Guido delle Colonne's famous *Historia Destructionis Troiae*) of the «scandalous» fragment of Dares Phrygius' *Historia de Excidio Troiae* dedicated to Agamemnon's temporary removal from the command of the Greek army.

Keywords: reception of the cultural heritage of antiquity, medieval literature, Trojan War, Agamemnon.